

ОБ ИДЕАЛЕ ЦЕЛОСТНОГО ЗНАНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Калинин С. С.
г. Кемерово, КемГУ

TOWARD THE IDEAL OF THE INTEGRATIVE KNOWLEDGE IN THE EPISTEMOLOGY OF LINGUISTICS

Kalinin S. S.
Kemerovo, Kemerovo State University

Аннотация. В работе рассматривается вопрос об идеале целостного знания и способах его достижения в лингвистической эпистемологии. Показывается, что такой идеал может быть достигнут лишь в результате синергии четырех различных способов освоения действительности – научного, философского, художественного и религиозного.

Ключевые слова: философия языка, философия языкознания, цельное знание, синергия, эпистемология, способы познания действительности.

Abstract. The aim of the article is to observe the problem of the integrative knowledge ideal in the epistemology of linguistics and the methods to reach this ideal. It can be reached as a result of synthesis of 4 approaches to recognize the world: the scientific one, the philosophic one, the artistic one and the religious approach.

Keywords: philosophy of language, philosophy of linguistics, integrative knowledge, synergy, epistemology, methods of recognizing the reality.

В последнее время в рамках антропоцентрической парадигмы в языкознании все больше усиливается интерес к холистическому осмыслению предмета и, соответственно, гносеологического идеала науки о языке. Доказательством этого могут служить такие работы, как [4] и [5]. В первой из них В. И. Постовалова предприняла попытку построения интегральной лингвистической парадигмы в русле тео-антропо-космического осмысления языка на основе классической русской религиозной философии [5, с. 37-58]. Во второй работе А. А. Залевская предпринимает построение интегральной теории значения на основе философии Живого Знания [4, с. 32-38].

Представляется совершенно необходимым развитие и дальнейшее совершенствование гуманитарной науки (и языкознания, лингвистики, в

частности) в стремлении ее к идеалу цельного, целостного знания, охватывающего все стороны духовной жизни человека. На примере языка, языковой и речевой деятельности можно утверждать необходимость рассмотрения языка не только в системно-структурном (статическом) плане, но также и в развитии, динамике, языка как формы деятельности и формы познания (что нам представляется очевидным фактом, хотя данный аспект рассмотрения языковой системы восходит еще В. фон Гумбольдту и И. Г. Гердеру). Кроме того, в целостном, холистическом рассмотрении языка необходимо учитывать перцептивный и эмотивный компоненты языковой и речевой деятельности. Отчасти данный пробел был восполнен в работах последних лет [8].

Нисколько не умаляя заслуги и достижения системно-структурной парадигмы языкознания, мы должны подчеркнуть, что рассмотрение языка только и исключительно в виде множества упорядоченных по некоторому принципу элементов, отношений, «функций» не всегда позволяет точно отразить его природу и сущность. Системно-структурное представление языка удобно для использования в исследованиях, связанных с применением вычислительных методов в языкознании (что подчеркивалось еще Н. Д. Андреевым в его критике хомскианской языковой теории [2, с. 257-258; 283]), а также для решения вопросов, связанных с лингвистическими аспектами машинного перевода. Однако формализованное представление языкового материала и «живой стихии» речевого потока не всегда точно отражает действительные свойства и особенности языка как феномена, что также подчеркивалось Н. Д. Андреевым [2, с. 283]. Предельный случай «формализации» и «математизации» языкознания – глоссематика – оказался достаточно интересным с общетеоретических и методологических позиций. Однако, как указывает М. И. Стеблин-Каменский [7, с. 53], глоссематика оказалась практически неприменимой к анализу реального языкового материала из-за своей сложной формализованности и абстрактности. М. И. Стеблин-Каменский указывает на то, что имеющиеся глоссематические исследования исчерпываются преимущественно фонологическими работами в русле идей копенгагенского структурализма [Там же]: именно для описания и анализа фонетического уровня языка глоссематика оказалась наиболее пригодной.

В плане «формализации» языкознания представляется интересным идущее совершенно от других философских идей направление – синергетика, изучающая

самоорганизующиеся системы. Лингвокогнитивная синергетика базируется на подходе к языку как к деятельности и как к процессу. Таким образом, потенциально синергетическая парадигма языкознания способна разрешить или, по крайней мере, ослабить те антиномии языка, которые приводит Н. Д. Андреев в начале своей работы о генеративной грамматике Н. Хомского [2, с. 258]. В рамках синергетической парадигмы языкознания возможно учесть не только отображение когнитивных процессов в языке (что входит в цели и задачи современной когнитивной лингвистики), но также и перцептивных, и аффективно-эмотивных процессов, о чем говорит А. А. Залевская, которая называет их когнитивно-перцептивно-аффективным единством языка [3, с. 14]. Представляется, что в современной когнитивной парадигме не всегда учитываются вышеуказанные компоненты языковой и речевой деятельности человека, составляющие, по А. А. Залевской, единство процессов. Синергетическая парадигма же потенциально способна дать решение этой проблемы, поскольку в ней учитываются не только обыденный и научный способы познания (когниции) мира, но и ряд других: религиозный, творческий (художественный), мистический и т.д., на что указывает Н. Ф. Алефиренко [1, с. 234-235; 242-243].

Вернемся к вопросу об идеале цельного знания в науке о языке. В связи с синергетичностью языка (сочетания в нем трех компонент, о чем уже упоминалось) необходимо отметить, что идеал цельного знания для лингвистической науки также не может лежать исключительно в рамках какого-то одного направления. Язык может являться как предметом научного изучения, так и предметом философской рефлексии (что составляет сущность философии языка), предметом религиозного постижения (литургическая функция языка, Божественное Откровение: «вначале было Слово», представления о даровании человеку языковой способности Богом), предметом художественной рефлексии. В связи с этим следует заметить, что именно синергетический идеал цельного знания лучше всего соотносится с концепцией о Положительном Всеединстве, которая была разработана в трудах русских мыслителей еще начала XX в., прежде всего, в работах В. С. Соловьева [6, с. 306]. Идея «положительной теософии», которая, на наш взгляд, является наиболее перспективной для языкознания, заключается в синтезе подходов науки, философии, религии и (добавим от себя) искусства к познанию языка и языковых явлений. При этом такой синергийный по

своей природе подход не является простой суммой методов и принципов каждого из этих направлений: на стыках направлений, составляющих целостный, интегральный подход к исследованию языка, могут образовываться различные комбинированные варианты исследовательских парадигм, например, религиозно-философская, философско-художественная и т.п. Все эти варианты также входят в качестве составных частей в программу «положительной теософии».

Наконец, следует сказать несколько слов об аксиологии языка и концепции ее исследования в рамках интегральной программы исследования языка. Представляется, что исследование аксиологических констант и их языкового выражения также должно вестись в рамках «положительной теософии». Причина этому ясна как из самой природы аксиологических констант (моральных и духовных ценностей): этот феномен человеческого бытия рассматривается как в особом разделе философии, так и в различных религиозных системах. Здесь, таким образом, сам материал подсказывает способ его изучения. Необходимость же научного, а именно лингвистического изучения аксиологических констант заключается как в том, что именно через язык они выражаются (как компонент культуры человеческого общества, что очевидно), так и в том, что эти константы оказывают некоторое влияние на сам языковой материал. На материале многих языков, в том числе, и индоевропейских известен феномен «языкового табу» – запрета на употребление какого-либо слова или какой-либо лексемы в определенном значении. Зачастую такие запреты объяснялись в архаическом обществе древних индоевропейцев причинами религиозного или мистического характера – та или иная лексема могла служить выражением имени какого-либо темного (или наоборот, светлого) божества, его свойств, качеств и т.п., которые, по религиозно-мистическим представлениям древних индоевропейцев, было опасно или нежелательно называть. С приходом христианства «старые» лексемы, отражавшие концептосферу дохристианской, языческой культуры, частично вышли из употребления, частично получили новые значения. Соответственно, и ряд «старых» языческих концептов получил новое содержательное наполнение, новые лингвокультурные смыслы. Так, например, в древневерхненемецком языке наряду с новым словом *sela* (совр. нем. *Seele*), выразившим христианский концепт «душа», сохранилось восходящее к языческим временам слово *geist*, обозначавшее изначально жизненный дух, жизненную силу. Позднее это слово стало

использоваться для называния Святого Духа. Таким образом, можно наблюдать, что под влиянием христианства происходила трансформация как аксиологии, так и ее вербального выражения. Старые концепты частично вышли из «языкового круга», частично были переосмыслены, их содержание было вновь освящено под влиянием христианского вероучения.

Таким образом, по мнению автора, наиболее перспективным в стремлении к идеалу цельного знания является подход, основанный на концепции Положительного Всеединства. Он позволяет рассматривать язык как с позиций различных областей знания и человеческой культуры, так и в различных философских измерениях – как онтологическом и гносеологическом, так и аксиологическом.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокогнитивная синергетика: истоки, принцип, сущность // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 228-256.
2. Андреев Н. Д. Хомский и хомскианство // *Философские основы зарубежных направлений в языкознании*. – М.: Наука, 1977. С. 257-283.
3. Залевская А. А. Вопросы психолингвистической теории двуязычия // *Вопросы психолингвистики*. 2009. № 10. С. 10-17.
4. Залевская А. А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. – М.-Берлин: Direct Media, 2014. – 164 с.
5. Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания: в поисках интегральных парадигм. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 272 с.
6. Соловьев В. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 1. – СПб.: Изд-во «Просвещение», 1911. – 426 с.
7. Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974. – 144 с.
8. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – М.: URSS, 2016. – 128 с.